

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-6-21>

УДК 316

Attribution

cc by

ИДЕОЛОГИЯ МАСКУЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (СТАТЬЯ 1)

Тамбиянц Ю.Г.¹, Дулунц Г.А.², Халакоев М.М.³

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина^{1,2,3},

E-mail: 09081969jylian@rambler.ru¹, E-mail: dga-87@mail.ru², E-mail: Tom.jones.80inbox.ru³

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного проблематике маскулинной идеологии в контексте современных социальных процессов. Логика авторов выстроена, во многом, на базе оппонирования либеральному подходу, прежде всего концепции гегемонной маскулинности. Методология исследования предполагает обращение к концепту пассионарности, исходя из которой наиболее чувствительным объектом воздействия маскулинной идеологии выступают гармоничные личности, в силу своего количественного доминирования во многом предопределяющие стратегический и качественный потенциал конкретного социума. Современные гендерные трансформации, лидером которых выступает Западный мир, происходят в сторону дискредитации традиционной маскулинности, нейтрализации половых различий и продвижения андрогинии, а также легитимации нетрадиционных сексуальных меньшинств. В результате, гармоника западного общества социализируется не столько в сторону героического идеала, сколько в сторону субпассионарного идеала, что отражается на определенном роде внутриполитической проблематики.

Ключевые слова: гендер, гендерная революция, маскулинность и феминность, маскулинная идеология, пассионарии, гармоника, субпассионарный идеал.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

IDEOLOGY OF MASCULINITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL DYNAMICS: KEY TRENDS (ARTICLE 1)

Julian G. Tambiyants, Hrachik A. Dulunts, Murat M. Khalakoev

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina

Abstract. The article represents the first part of the study devoted to the problematic of masculine ideology in the context of modern social processes. The logic of the authors is largely based on opposition to the liberal approach, primarily the concept of hegemonic masculinity. The research methodology involves an appeal to the concept of passionarity, based on which the most sensitive object of the influence of masculine ideology are harmonious individuals, who, due to their quantitative dominance, largely predetermine the strategic and qualitative potential of a particular society. Modern gender transformations, led by the Western world, are moving towards discrediting traditional masculinity, neutralizing sexual differences and promoting androgyny, as well as legitimizing non-traditional sexual minorities. As a result, the harmonics of Western society are socialized not so much in the direction of the heroic ideal, but in the direction of the sub-passionary ideal, which is reflected in a certain kind of domestic political problematic.

Key words: gender, gender revolution, masculinity and femininity, masculine ideology, passionaries, harmonics, subpassionary ideal.

Funding: Independent work.

Введение.

Один из ключевых трендов постмодерна – размывание многих ранее устойчивых феноменов, имеющих традиционное укоренение. Левоориентированные исследователи исходят из логики противостояния труда и капитала, видя здесь скрытую и небезуспешную попытку последнего внести раскол в социальное большинство не через экономические, а через социокультурные механизмы [11]. Как бы то ни было, налицо проблематика размывания идентичности, наиболее выраженная в Западном обществе, признанном лидером

мировой цивилизации. Данный вопрос весьма многогранен и касается классовой, национальной, а нередко даже этнической составляющей.

В настоящей работе мы ограничимся сегментом, затрагивающим в основном сферу гендерных отношений – речь пойдет о традиционных представлениях мужественности-женственности, на основании которых выстраивались так называемые маскулинные идеологии, в настоящий момент настойчиво и не без успеха атакуемые сторонниками радикального феминизма. Так, в условиях западного социума, по словам немецкого социолога Н. Больца, «женщины не хотят больше

быть женщинами, а мужчины - мужчинами» [2, с. 76].

Мы отталкиваемся от ключевого тезиса И. Кона, что маскулинная идеология связана с определенной общественной средой, затрагивая прежде всего ее социокультурную составляющую. Естественно, что изменения среды не могут не отражаться на содержательном наполнении упомянутой идеологии [13, с.75].

Нам видятся три причины актуализации проблематики, связанной с представлениями о мужественности-женственности, именно для отечественного социального контекста.

Во-первых, на геочивилизационном уровне Россия, располагая немалой международной субъектностью, может сыграть роль образца модернизированного, но сохранившего традиционное социокультурное ядро социума. Дело в том, что Западный мир, сохраняя технологическое, экономическое и в некоторой степени военное лидерство, стремительно теряет социокультурную привлекательность, в некоторой степени освобождая позиции для геокультурной гегемонии.

Во-вторых, в условиях затянувшейся локальной войны, которая в перспективе может вылиться в более масштабную войну с западным миром, вопросы о мужественности как коллективном феномене неизбежно связаны с проблемой ресурсного потенциала России, качества имеющегося человеческого материала.

В-третьих, традиционный гендер выступает во многом предохраняющим фактором от ряда негативных общественных явлений, сопровождающих его разрушение – кризис института семьи, расширение количества одиноких самодостаточных женщин и пр., о чем пишет ряд известных западных и отечественных исследователей (Н. Больц, Л. Ионин, Ф. Зимбардо, М. Яцино и др.).

Цель настоящего исследования, состоящего из двух частей, сводится к выявлению значения идеологии маскулинности в общественном сознании россиян. В связи с этим, нам предстоит реализовать следующий перечень *задач*:

Во-первых, предложить собственную концептуализацию маскулинной идеологии как социального феномена;

во-вторых, определить основной вектор трансформации современных гендерных отношений, отражающихся на проблематике маскулинности;

в-третьих, используя данные анкетного опроса, определить позиции идеологии маскулинности в отечественном социальном сознании.

Методология исследования. В качестве методологического ориентира нам сослужили службу работы известного отечественного эксперта в сфере гендерных отношений И. Кона. В то же время, с его некоторыми выводами, где просматривается аксиологическая составляющая, мы намерены серьезно поспорить. Изначально нам никак не обойтись без методологического экскурса в понятие «гендер», чтобы определить нашу позицию между двумя противоположными друг другу подходами.

Согласно подходу эссенциализма, гендер выступает культурным коррелятом пола, отталкиваясь от изначально заданных природных (физиологических) характеристик. Все индивидуальные качества и проявления интерпретируются как сущностные и заданные природой. Тем самым, «пол и анатомия первичны», именно они определяют так называемые «мужские» (маскулинные) или «женские» (феминные) качества.

Конструктивистский подход утверждает, что маскулинность или феминность, не что иное, как продукт культуры. Соответственно стандарты мужского и женского поведения задаются и формируются искусственно, изменяясь в зависимости от пространства и времени [26, с. 4].

В настоящее время, в контексте усиления политкорректных трендов, всячески продвигается и популяризируется второй подход. Особенно заметна редукция к конструктивизму в текстах сторонников феминизма третьей волны, который приобрел радикальный, если не экстремистский смысл [17]. Тем не менее, здесь наука и политика явно разошлись, и характерной иллюстрацией (не исключено, что и отправной точкой) стал известный эксперимент врача Д. Мани по смене пола у 10 месячного мальчика Брюса Рейнера. Продолжавшийся в 1970-80 гг. эксперимент, в итоге, провалился, по сути подтвердив незыблемость психофизиологических оснований. Тем не менее, из политических соображений имя Д. Мани было поднято на щит леволиберальными идеологами политкорректности и феминизма, а его эксперимент принят как доказательство свободного выбора пола, невзирая ни на какие врожденные характеристики. По словам Н. Больца, Д. Мани «выдвинул слишком важную теоретическую посылку, которая оказалось чрезвычайно привлекательной: культура важнее природы, гомосексуальность — это нормально и, напротив, гетеросексуальность является идеологической системой принуждения» [2, с. 70-71].

Все же, эссенциалистский фактор не в силах отрицать даже симпатизирующие леворадикальным проявлениям ученые. В частности, И. Кон признает, что ряд аспектов мужского и женского поведения, «уходят своими корнями в поведение наших животных предков.... Человек, как биологический вид *homo sapiens*, не может полностью освободиться от своего животного наследия» [12]. В то же время, никак нельзя отрицать конструктивистское влияние на гендерные идентичности и соответственно мужские-женские отношения, хотя это вовсе не повод редуцировать происхождение гендера только к искусственным источникам.

Наше видение гендера согласуется с позицией северо-кавказского исследователя Х. Г. Тхагопсоева, который считает, что гендер включает неодолимый биологический источник, ролевое культурное амплуа (как полагают в социологии, культурологии, педагогике), меру маскулинности и феминности человека (как видится в психологии, культурологии). «Гендер — это сумма, синтез и сплав всех указанных факторов, а также результат влияния социокультурного контекста бытия человека на его личность и самосознание» [24, с. 312].

Собственно, то же самое сочетание следует зафиксировать в отношении маскулинности, под которой понимаются некие параметры мужского облика и поведения, из которых формируется общественные представления о «настоящем мужчине».

И. Кон усматривает в современном научном дискурсе четыре главные парадигмы по поводу определения ключевого источника маскулинности: биологическую, психоаналитическую, социально-психологическую и постмодернистскую [12]. Если первые две склоняются к эссенциализму, предполагая главные отличия мужчин от женщин объективно обусловленными, где культура выступает лишь регулятором их реализации. Вторые две парадигмы конструктивистского происхождения, полагая исключительно социальный и культурный источник маскулинности, на чем активно настаивают леворадикальные теоретики.

Обсуждение. Результаты. Несомненно, что с самых ранних времен человеческой истории феномен маскулинности не мог не заявить о себе в качестве определенного образца.

По мысли Н. А. Чуркиной, в дихотомии с феминностью маскулинность задавала эталонные качества, которых априори не могло быть у пред-

ставительниц женского пола [27, с. 18]. Традиционные гендерные отношения выстраивались на взаимодополнении мужских и женских ролей, что предполагало сопоставимые их статусы.

Современный германский социолог Н. Больц считает, что равенство мужчины и женщины не достигается уравниванием, но «может быть реализовано только в форме их сочетания» [2, с. 67]. Необходимо сохранять разделение труда по половому признаку, эффективность чего доказана самой жизнью. Солидарность супружеской пары обеспечивается тем, что мужчина берет на себя руководство инструментальное, тогда как женщина — эмоциональное [2, с. 91].

Что касается маскулинности, то поскольку ей, как правило, присуще наполнение жесткими стандартами, она характеризуется неустойчивостью — ее легко утратить [27, с. 19]. Тем не менее, маскулинность изначально не могла быть однородной и имела различные модификации в зависимости от социальных, культурных, а также индивидуально психофизиологических состояний. Образы «настоящих мужчин» по своей содержательной наполненности меняются в пространстве и во времени. Например, маскулинность в среде рыцарства и дворянства отличалась от маскулинности простоародья. Или еврейская маскулинность предполагала не силу и воинственность, как у европейцев, но ум и терпение [13, с. 84-88].

Вместе с тем, справедливо отмечается нечто вроде общей константы для различных вариаций маскулинности.

По мнению И. Кона, Н. Чуркиной, И. Костериной это *достижение* — стремление опередить других, в физической ли силе и ловкости, практической ли сметке или духовном самоотречении, что зависит от норм культуры, исторических обстоятельств и индивидуальных свойств [13, с. 89].

А И. Костерина еще в качестве своеобразного «общего знаменателя» указывает на физическую силу. «Физические преимущества мужчин над женщинами и другими, более слабыми или молодыми, мужчинами составляют фундамент традиционной маскулинности.... в условиях отсутствия других ресурсов физическая сила становится неоспоримым и все более уникальным свидетельством мужественности» [14].

Традиционная маскулинность по сути сводится к четырем ключевым стандартам или нормам.

Во-первых, мужчине следует избегать женских проявлений («Без бабства»).

Во-вторых, мужчина должен добиваться успеха, опережая других мужчин («Большой босс»).

В-третьих, мужчина обязан быть сильным, не проявляя слабости («Крепкий дуб»).

В-четвертых, мужчине следует стараться стать «крутым» и не бояться насилия («Задай им жару») [13, с. 76].

Современные исследователи маскулинности предлагают даже расширенный перечень из десяти сильных мужских черт [14]. Все это выступает неким претендующим на универсальность ориентиром для маскулинных идеологий, определяющих поведение представителей «сильного пола».

В нашем понимании *маскулинная идеология есть определенная система установок и оценок в отношении мужского культурного и поведенческого облика, соотносимая с собственными социальными идентичностями и стратегиями.*

С функциональной точки зрения, маскулинная идеология задает большинству представителей мужского социального сегмента нормативные стандарты, поведенческие рамки, во многом содействуя формированию индивидуальных достижительских стратегий.

«Соционормативные образы создаются и поддерживаются культурой, но разные каноны маскулинности неодинаково импонируют разным типам мужчин и имеют свои психофизиологические конституциональные основы» - отмечает И. С. Кон. Отсюда фиксированные нормы маскулинности действительно ставят в неравное положение индивидов, обладающих или необладающих требуемыми задатками [13, с. 115, 446]. Здесь, авторитетный отечественный ученый обоснованно указывает на факт неодинаковых врожденных предпосылок индивидов, что мы попытаемся развить далее.

Факт биологических различий людей с разным акцентом упоминается у большинства серьезных исследователей маскулинности (И. Кон, И. Костерина, Н. Чуркина, С. Ушакин и др.).

Здесь мы обратимся к концепту пассионарности историка Льва Гумилева. По Л. Гумилеву, пассионарность есть наличие у некоторых индивидов «необоримого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели представляется ... даже ценнее собственной жизни» [8, с. 339-340]. Пассионарность есть психофизиологическое явление именно природного, а не социального происхождения. В этом плане

подход Л. Гумилев отличается от подхода Т. Веблена, который близкий пассионарности феномен боевого духа связывал с социальными верхами, считая более низшие слои склонными к спокойной жизни «без приключений» [4, с. 245].

Имеет смысл обратить внимание на такое свойство пассионарности, как оппозиционность инстинкту самосохранения [8, с. 340]. Это положение Л. Гумилева развивает современный исследователь Т. Ибатуллин, увязывая его с инстинктом самосохранения, вернее, его преодолением. Пассионарии есть особи, поведенческий импульс которых превышает инстинкт самосохранения; у субпассионариев напротив импульс самосохранения подчиняет себе импульс поведения; наконец гармоничные личности или гармоники представляют особей, у которых инстинкт самосохранения и импульс поведения примерно равны, а по ситуации верх берет тот или другой [10, с. 539].

Подход И. И. Булычева наводит на мысль посмотреть на классификацию пассионарий-гармоник-субпассионарий с несколько иного ракурса. Маскулинность и феминность связываются им с природным фактом наличия в мужской конституции женских генов, а в женской — мужских, что отражается на поведении женщин и мужчин [26, с. 6]. Принимая во внимание соображения И. Булычева, можем предположить, что пассионарий, гармоник и субпассионарий имеют различное соотношение мужских и женских генов. Отсюда мужчин с более явно выраженными женскими чертами легче найти из числа субпассионариев и менее вероятно среди пассионариев.

Что касается гармоников, то у них, в перспективе, нельзя исключать превалирования маскулинизации или феминизации; и в какую сторону пойдет в данном аспекте личностная социализация гармоников — здесь уже нам представляется решающее значение внешних конструктивистских факторов.

Социальное значение гармоничных личностей бесспорно, в определенные социально-исторические периоды оно является определяющим, хотя бы потому, что гармоники составляют количественно доминирующую группу. Это работоспособные, но не сверхактивные индивиды и пассионарное «горение» другого человека, «таким людям чуждо и антипатично». В то же время, зачастую, они способны, трудолюбивы, хорошо и добросовестно выполняют свои функции, но способны лишь «на усилия, а не сверхусилия».

По мысли Л. Гумилева, ключевая роль гармоничных личностей может заключаться в том, что они придают обществу определенную

стабильность, а также последовательное, без рывков, развитие [8, с. 366, 371-372].

Гармоники, по сути, и являются главным объектом воздействия идеологии маскулинности, а также всех остальных феноменов, так или иначе выступающих поведенческими стимулами. Если пассионарий легче интериоризует маскулинные феномены, а субпассионарий – феминные, то гармоник, по сути, склонен воспринимать и те, и другие, что уже во многом будет зависеть от внешнего контекста. Отсюда, гармоникам, нередко, присущи поведенческие противоречия, что, применительно к войне, проиллюстрировал герой романа А. Переса Реверте «На линии огня» капитан Хуан Баскуньяна – «Один и тот же человек может драться как лев, а через полчаса удирать как заяц. Героев нет. Есть обстоятельства» [19, с. 285]. Тем самым, мы приходим к мысли о значении конструктивистских факторов в отношении гармоников – навязанные и ими воспринятые нормативные стандарты будут для них выступать важным, если не важнейшим поведенческим источником.

Антрополог Д. Гилмор полагает маскулинность символическим текстом, бесконечно переменчивым культурным конструктом [7, с. 236].

Мы же полагаем, что сам ход социально-исторической динамики объективно усиливает значение конструктивизма – масштабные системные трансформации XX-XXI вв. дали толчок сдвигам в сфере гендерных отношений; кроме того, беспрецедентно расширившиеся манипулятивные возможности сыграли свою роль в доминировании культурного плюрализма, поставившего под сомнение ряд стабильных установок по поводу гендера, маскулинности и т.д.

Как полагает И. Кон, глубокие сдвиги объективной действительности отражаются на присутствующих каждому полу представлениях – «сначала меняется социальное положение и характер деятельности мужчин и женщин, затем – их базовые установки и ценности и только после этого – более тонкие психологические свойства, которые, в свою очередь, влияют на социальную структуру» [12]. Здесь И. Кон, надо полагать, указывает на самодовлеющее значение объективной действительности, по сути вынуждающее индивидов формировать новые стратегические поведенческие ориентиры. В его рассуждениях подчеркиваются непреодолимые тенденции гендерного выравнивания, субъективно воспринимаемые и женщинами, и мужчинами. Не споря в целом с методологией И. Кона, все же дополним,

что различные внешние обстоятельства могут отражаться на индивидуальных психофизиологических чертах принципиально противоположным образом. Это иллюстрируется рассказом Э. Хемингуэя «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», когда мужчина, характер подкаблучника которого сформировался под влиянием его властной и распутной жены, однажды попал в ситуацию, разбудившей до того дремавший в нем немалый потенциал мужественности и смелости. «Страх больше нет, точно его вырезали. Вместо него есть что-то новое. Самое важное в мужчине. То, что делает его мужчиной. И женщины это чувствуют. Нет больше страха» [25].

В связи с этим, уместно предположить, что любой социум должен располагать механизмами формирования у большей части индивидов установок и поведенческих стандартов, соответствующих его стратегическим целям.

Далее, мы собираемся заняться анализом гендерных сдвигов, непосредственно связанных с маскулинной идеологией, обращаясь, прежде всего, к опыту Запада. Здесь мы возьмем за основу рассуждения либерально ориентированных исследователей (Р. Коннел, М. Киммел, И. Кон, А. Темкина и др.), которые в одном выступают для нас источником, в другом — объектом оппонирования.

Итак, происходящая, согласно определению И. Кона, «гендерная революция» действительно бросает серьезный вызов традиционным гендерным отношениям, который упомянутый исследователь трактует как гегемонную маскулинность. «Кризис маскулинности – кризис привычного гендерного порядка, в макросоциальных аспектах ситуация изменяется в пользу женщин» [13, с. 440]. И хотя масштабы и скорость ломки традиционных гендерных структур различны в зависимости от обществ или социальных слоев, данный тренд необратим.

В сфере экономики неуклонно разрушается традиционная гендерное разделение труда, женщины стремительно осваивают мужские профессии. Похожие процессы происходят в политике, хотя и не так быстро. Семейно-брачные отношения развиваются в сторону большего равенства (партнерский брак), а социализация мальчиков изменяется в сторону усиления влияния общества, стремящегося уменьшить половую сегрегацию. В сфере образования женщины обходят мужчин в получении высшего образования и ученых степеней [9]. Характерная для постмодерна ситуация культурного плюрализма отражается на

стандартах маскулинности, делая их более расплывчатыми.

В связи с этим, разнообразятся сексуальные роли мужчины и женщины – «понятие секса как завоевания и достижения сменяется ценностями партнерского секса, основанного на взаимном согласии». Наконец, возрастает терпимость к однополрой любви, а стандарты гомофобии постепенно уходят в прошлое. При этом «наибольшую терпимость к гомосексуальности обнаруживают молодые и лучше образованные люди» [12].

Гендерные трансформации в работах И. Кона и других либеральных исследователей подаются с позиции эволюционизма, преодолевающего традиционные гендерные отношения. Основой последних является так называемая гегемонная маскулинность – своеобразная идеология мужского превосходства, которая обеспечивает легитимацию сложившегося гендерного расклада, где женщинам отведена очевидно подчиненная роль. Мы полагаем, что гегемонная маскулинность есть, прежде всего, идеологический конструкт, активно применяемый для дискредитации существующего гендерного порядка, в незападных обществах в целом сохраняющего традиционные основания.

Точка зрения социологов (Т. Парсонс, Н. Болъц), социальных психологов (Н. Чуркина, А. Чернышевой, А. Спириуговой) о том, что традиционный гендер основан на взаимодействии ролей мужчины и женщины, по сути, отвергает тезис о мужском господстве, хотя не отрицает, что в определенных сферах отношений мужчина (политика, бизнес, война) или женщина (домохозяйство, воспитание детей, эстетика) могут ощущать себя более уверенно.

Интересна позиция американского политолога и психолога У. Фаррела, долгое время погруженного в феминистский дискурс. У. Фаррел считает, что «мужское господство» не более чем миф, сконструированный агрессивными женщинами, а реально мужская власть мало где существует. «Иметь власть – не значит зарабатывать деньги, чтобы их тратил кто-то другой и раньше умереть, чтобы другие получили от этого выгоду» [13, с. 19].

Тем не менее, И. Кон, исходя из вышеупомянутых гендерных трансформаций, утверждает, что гегемонная маскулинность «часто оказывается социально и психологически вредной, дисфункциональной» [13, с. 440]. Его аргументы

можно свести к следующим двум ключевым моментам.

Во-первых, усиливается несоответствие между трансформируемой объективной реальностью и гегемонной маскулинностью. Позиции последней отчаянно пытается сохранить мужской сегмент, заинтересованный в существующих властных структурах, «которые большей частью, хотя и с вариациями, являются патриархатными и воспроизводят гендерное неравенство» [13, с. 75]. В то же время, ситуация необратимо меняется – мужские и женские характеристики уже не являются взаимодополняемыми и альтернативными. Происходит нечто вроде унификации ценностей маскулинности и феминности, ряд социально значимых черт приобретают гендерно-нейтральный смысл (унисекс), а поведенческие стандарты представителей разных полов изменяются в сторону андрогинии [27, с.18].

Во-вторых, гегемонная маскулинность по своему бьет и по мужчинам. Те представители мужского сегмента, которые допускают отклонения от маскулинных норм, могут подвергнуться остракизму, испытать стыд или «травматическое напряжение». Несмотря на то, что «большинство мужчин гендерно-ролевые ожидания так или иначе нарушают, им приходится расплачиваться за это чувством своего несоответствия, самозванства» [13, с. 76].

Подобные рассуждения И. Кона созвучны концепту «токсичной маскулинности», предложенному теоретиками интерсекционального феминизма (Д. Серенко ¹, Н. Водвуд ²), согласно которым маскулинности присущи сексистские идеи; от них мужчины страдают вместе с женщинами. Это установки доминирования, агрессии, насилия, чуждые многим мужчинам [20].

Тем самым, корни мужских проблем И. Кон и сторонники феминизма сводят именно к противоречиям нормативного канона маскулинности [13, с. 78].

Общая макросоциальная идея И. Кона – в контексте доминирования трендов индивидуализации и плюрализации, обществу следует уважать свободный выбор каждым человеком собственного занятия и образа жизни безотносительно к гендерной принадлежности. Конечно, половые и гендерные различия никогда не исчезнут, но неизбежны варианты маскулинных женщин и феминных мужчин, «лишь бы только индивидуальный выбор был свободным» [13, с. 442, 451].

¹ Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

² Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

По сути, логика И. Кона ставит под сомнение необходимость воспитания в рамках традиционных гендерных ролей, где ключевым объектом, как указывалось выше, должны стать гармоничные, количественно преобладающие в любом социуме. Если смотреть шире, то в рамках такого подхода можно оправдать сотрясающие в последние десятилетия западный социум движения тех же сексуальных меньшинств – ЛГБТ и т.д. Собственно, И. Кон не скрывает отношения, в какой именно социальной среде должен реализовываться любезный ему индивидуальный выбор. Происходящие процессы гендерной революции он рассматривает с точки зрения «цивилизационной «феминизации» социокультурных ценностей», чему мешают национализм, религиозный фундаментализм, фашизм и пр...[13, 116].

Видение И. Кона очень близко рассуждениям известного западного философа Э. Геллнера, который, возражая поэтическому тезису, что только храбрый заслужит красавицу, писал: «разве мы не стремимся к общественному строю, который откроет такие же возможности для пугливых и робких?... Гражданское общество и представляет собой такой общественный строй, где свобода (а тем более женские ласки) дана даже боязливым и рассеянными» [6, с. 95].

С некоторой долей условности мы такой подход обозначим как *субпассионарный идеал*, во многом определяющий социокультурный смысл современного Запада, особенно европейских стран. Справедливости ради, следует отметить, что субпассионарный идеал есть порождение отнюдь не только гендерных сдвигов, но всего мирового цивилизационного развития, где Запад выступал лидером и образцом. Закономерно, что именно здесь проявляются те самые «болезни цивилизации», которые в рамках гегелевской терминологии могут быть обозначены как антитезис. Подробнее мы этого вопроса касались в наших более ранних работах [22; 23].

Объективным результатом ломки традиционного гендерного порядка и размягчения маскулинности становится феномен «новых мужчин», заявивший о себе в Европе и количественно расширяющийся. По данным германского исследования еще двадцатипятилетней давности (1998 г.), к подобной группе отнесли почти одну пятую часть всего немецкого мужского сегмента (19%).

Новым мужчинам присущ ряд особенностей, отличающих их от представителей «традиционных мужчин».

Во-первых, это более гибкие установки к работе – мир профессиональной деятельности для

них не выглядит исключительно мужским, они вполне нормально относятся к конкуренции со стороны женщин.

Во-вторых, браки новых мужчин больше партнерские, и они не склонны жестко разграничивать домашние обязанности, при этом вполне допускают, что доминирующую роль в такого рода отношениях может играть женщина.

В-третьих, психологически новые мужчины более эмоциональны и не стесняются это демонстрировать.

В-четвертых, новые мужчины менее склонны к насилию (в том числе сексуальному) и гораздо терпимее к альтернативным стилям жизни. Согласно опросу, две трети новых мужчин (64%) согласились с утверждением, что гомосексуальность должна быть открытой.

Новые мужчины, в основном, молодого возраста. Неслучайно отмечается, что унисекс – главный тренд нового поколения [26, с.14]. По большей части, представители «новых мужчин» проживают в крупных городах и относятся к средним слоям.[13, с. 121-123]. В плане политической идентификации, они закономерно склоняются к левому, а вернее лево-либеральному сегменту [2, с.81].

В то же время, при том, что масштабы и интенсивность объективной динамики разворачивают к себе гендерные процессы и формирование образов маскулинности, одновременно сокращая влияние биологии и психофизиологии, полностью природный фактор вытеснен не будет, вернувшись через «форточку». Так, в своей недавней книге, рассматривающей проблемы деградации мужской сущности, Ф. Зимбардо констатирует, что современные женщины тяготеют собственным освобождением, они могут рассуждать о силе и значимости феминизма, тем не менее «сексуально их привлекает открытая демонстрация мужского напора и силы» [9]. Согласно опросу Гэллапа 2013 г., 25% американок желают видеть в качестве своего начальника женщину, в то время как 40% – мужчину [18]. Публицист В. Виталис справедливо заключает: «Победа женщины над мужчиной убивает в женщине женщину» [5, с. 17].

Напрашивается предположение, что социальная динамика в чем-то расходится с биологией и психофизиологией. Возможно поэтому, слом традиционных гендерных структур сопровождается не столько формированием нового устойчивого порядка, сколько деформацией и эклектизацией, а складывающаяся ситуация описывается в

терминах гендерной дисгармонии (Л. Надолинская) [16, с. 18-19].

Противоположное И. Кону оценочное видение «гендерной революции» предлагает непосредственно погруженный в европейскую практику немецкий социолог Н. Больц, старающийся остаться на позициях классического либерализма. Считая просвещенный феминизм частью «славной истории европейского прогресса», Н. Больц совершенно не приемлет «фанатичный феминизм», видя здесь психическое заболевание, распространившееся в массовом порядке в определенных медиа и учреждениях культуры». [2, с. 65].

Н. Больц утверждает, что в современном западном обществе свобода индивидуального выбора (которую приветствует И Кон) реально ведет к макросоциальной деформации в сторону противоположную прежнему гендерному порядку – теперь нормой становится принадлежность к нетрадиционной сексуальной ориентации, в то время как гетеросексуалы, априори, относимы к тому самому «господствующему большинству», угнетающему меньшинства. Жизненные уклады геев, женщин и холостяков лучше приспособлены к новым условиям, нежели «мужчины с традиционной ориентацией и классические семьи». Принадлежность к гомосексуалистам гарантирует отсутствие нападков со стороны политкорректного (фанатичного) феминизма, а также избавляет от жестких нормативов традиционной маскулинности. По мысли немецкого ученого, развитие гомосексуальности есть отражение феминизации публичной сферы, производства женских черт европейского общества [2, с. 77, 78].

Искусственное сведение на нет половых различий (унисекс) сопровождается феминизацией мужчин и маскулинизацией женщин. Как отмечают А. Чернышева, А. Спиригова, образ женщины в социальных сетях сегодня ассоциируется с деловой активностью, стремлением к успеху, лидерству и самостоятельности. Там же укрепляется образ метросексуала — современного мужчины любой сексуальной ориентации, придающем большое значение своей внешности. [26, с. 14] Результатом этого становится взаимное отчуждение женщин и мужчин, которые раньше жили вместе, соблюдая при этом разные правила. «Сегодня для мужчин и женщин правила одинаковые, но живут они рядом друг с другом, как параллельные прямые, которые никогда не пересекутся» [2, с. 74]. Вместо партнерских отношений между устанавливается беспощадная половая

конкуренция, что частично признает и И. Кон, отмечая ранее неприемлемое проявление женской агрессии [13, с. 446].

Вышеобозначенные процессы, несмотря на деформацию и эклектизацию, тем не менее позволяют увидеть вполне четко выраженные следствия, о которых буквально кричат противники политкорректности и как бы «не замечают» ее сторонники.

Во-первых, удар по институту брака, который имеет архетипическое биологическое основание, предполагающее взаимоприемлемые и взаимодополняемые различия. Н. Больц отмечает, что эмансипация женщин приводит к обесцениванию материнства и мужественности [2, с. 75-76]. Еще в самом начале 2000-х годов П. Дж. Бьюкенен писал, что естественное для женщины желание материнства подавлено карьерными соображениями, а с другой стороны семейные обязанности поставлены под сомнение политкорректностью и феминизмом. «Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начала отмирать, и Европа». По данным П. Бьюкенена на то время уровень рождаемости в Европе снизился до 1,4, в то время как только для сохранения численности требуется уровень 2,1., так что НАТО вскоре предстоит защищать «обширный мир пенсионеров» [3, С. 27-28]. Количественно растет феномен одиноких самодостаточных женщин [9].

Во-вторых, очевидно, что в результате «цивилизационной «феминизации» социокультурных ценностей» западные мужчины не только становятся все менее подходящим материалом для создания семьи с точки зрения эмансипированных женщин. Дело в том, что доминирующие тренды андрогинии, моды на гомосексуальность и пр. так или иначе выносят за скобки мужественность, предписывающей мужчинам поведенческий принцип «статус-пол-борьба». Выступая не столь давно эталоном воспитания сильной половины, мужественность в настоящий момент «должна реагировать на делегитимацию самой себя» [3, с. 78, 79].

Отсюда мы рискуем выдвинуть следующее важное предположение. Гармоники западного общества социализируются отнюдь не в сторону героического идеала, которому возможно оказываются приверженными немногочисленные пассионарии. Доминирующие макросоциальные тренды куда сильнее подталкивают гармоников к формированию иных поведенческих ориентиров, близких субпассионарному идеалу. Среди пред-

ставителей западного интеллектуального истеблишмента далеко не все склонны приветствовать подобные тенденции.

Например, известный психолог-юнгаец Дж. Кэмпбелл утверждает, что чрезмерное миролюбие и отказ от войны являются собой «отрицание самой жизни, ведь борьба и страдания, как известно, — неразрывные черты земного существования» [15, с. 284].

Израильский мыслитель А. Гат уверен, что потребительский гедонизм есть серьезный вызов Западнему цивилизационному превосходству, для ответа на который необходим новый образ войны, отвечающий современным запросам [1, с. 120].

Тренд мужской феминизации находит отражение в западных культурных продуктах. В последние два-три десятилетия вышло немало западных фильмов, в сюжете которых образ женщины оказывается намного сильнее образа мужчины (драма «Королевская шлюха» 1990, триллер «Любовь для взрослых» 2022 г. и др.). Очевидной реакцией на снижение востребованности мужественности у сильной половины явился роман Чака Полланика «Бойцовский клуб».

Достаточно очевидны и объективные последствия доминирования субпассионарного идеала в Европе. Речь, прежде всего, идет о мигрантской проблеме. Уже двадцатилетие назад отмечалось, что фактически линия цивилизационного столкновения стала проходить внутри самого Запада, и решающими факторами данной борьбы являются не технологии, но «способность женщин к рождению, а мужчин — к экспансии». И здесь у мигрантов, социализированных в рамках традиционного гендера, колоссальное преимущество. Именно они проявляют «нескрываемую и агрессивную волю к власти, в то время как европейцы потеряли не только волю к власти, но даже волю к борьбе» [21].

Заключение.

1) Маскулинная идеология понимается нами как определенная система установок и оценок в отношении мужского культурного и поведенческого облика, соотносимая с собственными социальными идентичностями и стратегиями.

Маскулинная идеология принадлежит к институциональным агентам социализации, нацеленным на формирования гендерных структур традиционного уклада, где делается упор на взаимодополняющий смысл мужского и женского поведения в рамках их социальных функций, в отличие от новых гендерных раскладов, предполагающих взаимозаменяемость.

Наиболее чувствительным объектом воздействия маскулинной идеологии выступают гармоничные личности (в логике теории пассионарности), которые в силу своей психофизиологической природы оказываются наиболее подверженными воздействию маскулинных и противоположных им феминных факторов социального влияния. Выступая количественно доминирующей группой, гармоничности во многом предопределяют стратегический потенциал данного социума и его качественные характеристики.

2) Социокультурная динамика, которую принято описывать как процесс смены модернизма постмодернизмом, отражается заметным образом на гендере. Трансформация гендерных отношений некоторыми видными учеными осмысливается в терминах «гендерной революции» (И.С. Кон), суть которой заключается в том, чтобы поставить под сомнение (а по сути, дискредитировать) нормативы традиционной маскулинности (которой придается ярлык гегемонной маскулинности) нейтрализовать мужские и женские различия, продвигая некий андрогинный идеал и культурные образцы унисекса. Тем самым, мужские и женские социальные роли приобретают не взаимодополняющий, а взаимозаменяющий смысл вслед за стиранием между ними различий.

Лидером и активным транслятором подобных трендов выступает Западный мир, где налицо усиливающаяся социокультурная деградация с гендерной спецификой, выражающаяся в кризисе семьи; легитимации в качестве социальной нормы ранее маргинальных идентичностей (гомосексуалистов, трансгендеров и пр.).

Следствием названных процессов является не только утрата Западом глобальной культурной гегемонии, но и упадок пассионарности, одного из ключевых социетальных ресурсов, обеспечивающих потенциал выживания общества в контексте внешних и внутренних вызовов.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Балакришнан Г. Роль насилия в истории // *Прогнозис*, 2008, №1 (13). С. 92 -123.
2. Болъц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 270 с.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса М. Прогресс. 1984. 368 С.
5. Вис Виталис. Женщина. Подчинись или властвуй. М.: АСТ, 2022. 240 с.
6. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М. Московская школа политических исследований. 2004. 240 с.
7. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М. Росспэн, 2005 – 264 с.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2021. 704 с.
9. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчины в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности – М: Альпина Паблишер, 2017. URL: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> дата обращения 30. 12.2024.
10. Ибатуллин Т.Г. Война и плен // *Проблемы военной психологии. Хрестоматия*. Под общ. ред. А.Тараса. Минск: Харвест, 2003. С. 523-637
11. Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: ООО «Полиграф», 2013. 256 с.
12. Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. URL: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> дата обращения 30. 04. 2024.
13. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
14. Костерина И.В. «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // *Неприкосновенный запас* № 83, 3/2012. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/83_nz_3_2012/article/18779/ дата обращения 14. 11. 2024.
15. Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни – СПб.: Питер, 2019. 384 с.
16. Надолинская Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России): автореф. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2008. 56 с.
17. Неронов А.В. Неронова М.Ю. Понятия «гендер» в идеологии феминизма: философский анализ // *Современные исследования социальных проблем* 2021, Том 13, № 3. С. 131-154.
18. Никонов А. Конец феминизма. Чем женщина отличается от обезьяны. СПб.: Питер, НЦ ЭНАС, 2010 – 368 с.
19. Перес-Реверте А. На линии огня. М.: Иностранка, 2022. 608 с.
20. Серенко Д. «Феминисткам не рождаются» Краткий гид по современному феминизму в России URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/?fbclid=IwAR0nrYfSfA0X6bubRGmDzPe9tojaofjNZRaKGhZOhIP93BTCXIOk7JRrPnI> (дата обращения: 07.06. 2024)
21. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории М.: Русский миръ, 2008. URL: https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 (дата обращения: 07.06. 2024)
22. Тамбиянц Ю.Г., Руденко М.В. Ресурс мужественности в цивилизационной конкуренции: Проблематика Запада и шансы России // *Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Краснодар, 2022. С. 285-293.
23. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В., Дулуц Г. А. Динамика мужественности как предпосылка деформации гендерного порядка: исторические аспекты // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 9. С. 28–41;
24. Тхагопсоев Х.Г. Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 2. С. 308-321.
25. Хемингуэй З. Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера URL: <https://lib.ru/INPROZ/HEMINGUEJ/makomber.txt> (дата обращения: 12.04 2025)
26. Чернышева А.В., Спирюгова А.Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 6. С. 1-19.
27. Чуркина Н.А. Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // *Социодинамика*, 2018 – 5. С. 16-20.

References:

1. Balakrishnan G. The role of violence in history // *Prognosis*, 2008, No. 1 (13). pp. 92 -123.
2. Bolts N. Reflections on inequality. Anti-Rousseau, M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 270 p.
3. Buchanan P. J. The death of the West. Moscow: AST, 2003. 444 p
4. Veblen T. Theory of the leisure class M. Progress. 1984. 368 p.
5. Vis Vitalis. Woman. Submit or rule. Moscow: AST, 2022. 240 p.
6. Gellner E. Conditions of freedom. Civil Society and its historical rivals. Moscow, Moscow School of Political Studies. 2004. 240 p.
7. Gilmore D. The formation of masculinity: cultural concepts of masculinity. M. Rosspan, 2005 – 264 p.
8. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of the earth. Moscow: AST, 2021. 704 p.

9. Zimbardo F., Colombe N. *A man in isolation: Games, porn and loss of identity* – Moscow: Alpina Publisher, 2017. URL: <https://fb2.top/mughchina-v-otryve-466251/read/part-7#7> date of access 30. 12.2024.10.
- Ibatullin T.G. *War and captivity // Problems of military psychology. The textbook. Under the general editorship of A.Taras.* Minsk: Harvest, 2003. pp. 523-637
11. Kagarlitsky B.Y. *Neoliberalism and revolution.* St. Petersburg: OOO "Polygraph", 2013. 256 p.
12. Cohn I. *Changing men in a changing world.* URL: <http://www.owl.ru/library/047t.htm> date of issue 30. 04. 2024.
13. Kon I. *A man in a changing world.* Moscow: Vremya, 2009. 496 p
14. Kosterina I.V. "Nerds" against James Bond: some trends of modern masculinity // *Inviolable Reserve* No. 83, 3/2012. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/83_nz_3_2012/article/18779/ / date of issue 14. 11. 2024.
15. Campbell J. *Myths for life* – St. Petersburg: Peter, 2019. 384 p.
16. Nadolinskaya L.N. *Constructing gender discourse and strategies of gender partnership (Theoretical concepts and realities of modern Russia): the abstract. ...Dr. Philos. sciences'.* Rostov n/A, 2008. 56 p.
17. Neronov A.V. Neronova M.Y. *Concepts of "gender" in the ideology of feminism: a philosophical analysis // Modern studies of social problems* 2021, Vol. 13, No. 3. pp. 131-154.
18. Nikonov A. *The end of feminism. How a woman differs from a monkey.* St. Petersburg: Peter, NC ENAS, 2010 – 368 p
19. Perez-Reverte A. *On the firing line.* Moscow: Inostroika, 2022. 608 p.
20. Serenko D. "Feminists are not born" A short guide to modern feminism in Russia URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/07/rusfem/?fbclid=IwAR0nrYfSfA0X6bubRGmDzPe9tojaofJnZRaKGhZOhIP93BTCXIOk7JRrPnI> (accessed: 06/07/2024)
21. Solovey V.D. *The blood and soil of Russian history,* Moscow: Russkiy Mir, 2008. URL: https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 (date of request: 07.06.2024)
22. Tambiyants Yu.G., Rudenko M.V. *The resource of masculinity in civilizational competition: The problems of the West and the chances of Russia // Ethnicity and society in the context of interethnic relations. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation.* Krasnodar, 2022. pp. 285-293.
23. Tambiyants Yu.G., Shalin V.V., Dulunts G. A. *Dynamics of masculinity as a prerequisite for the deformation of the gender order: historical aspects // Theory and practice of social development.* 2022. No. 9. pp. 28-41;
24. Tkhopsoev H.G. *The development of genderology on ethnocultural grounds: problems and prospects // Polylingualism and transcultural practices.* 2022. Vol. 19. No. 2. pp. 308-321.
25. Hemingway Z. *The short-lived happiness of Francis Macomber* URL: <https://lib.ru/INPROZ/HEMINGUEJ/makomber.txt> (date of reference: 04/12/2025)
26. Chernysheva A.V., Spiryugova A.G. *Masculinity and femininity in modern society: trends in transformation // Humanitarian Bulletin,* 2021, issue 6. pp. 1-19.
27. Churkina N.A. *Masculinity and femininity in modern society: state, trends of transformation // Sociodynamics,* 2018 – 5. pp. 16-20.

Информация об авторах:

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Дулунц Грачик Арменакович, аспирант кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: dga-87@mail.ru

Халакоев Мурат Мухамедович, аспирант кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: Tom.jones.80inbox.ru

Julian G. Tambiyants, Doctor of Philosophy, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Hrachik A. Dulunts, Postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Murat M. Khalakoev, Postgraduate student of the Department of Sociology and Cultural Studies, I.T. Trublin Kuban State Agrarian University

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.06.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.